

A sepia-toned portrait of a middle-aged man with dark, wavy hair, wearing a white shirt and a patterned tie. He is looking slightly to the right with a serious expression. The background is a soft, out-of-focus brown.

ЖИЗНЬ —

ОДНА.

ЛЮБОВЬ —

ОДНА

А. Денисов

Андрей Дмитриевич Дементьев

Жизнь – одна. Любовь – одна

Серия «Поэзия подарочная»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39479874
Андрей Дементьев Жизнь – одна. Любовь – одна:
ISBN 978-5-04-096559-5

Аннотация

Андрей Дмитриевич Дементьев – всенародно любимый поэт. Строки его стихов знают и цитируют все жители России без исключения.

Такие песни, как «Лебединая верность», «Баллада о матери» или «Отчий дом», стали настолько известны, что многие считают эти слова народными.

Более двадцати лет он возглавлял журнал «Юность», активно участвовал в общественной жизни страны, его выступления собирали полные залы, до последнего своего дня он писал, готовил к изданию книги.

В этом сборнике собраны последние стихотворения поэта и самые значимые для него и нас произведения, слова из которых останутся в памяти тысяч людей.

Книга содержит ненормативную лексику.

Содержание

Исповедальные строки	8
Стихотворения	15
Россия	16
«Уходят в мир иной мои друзья...»	18
«Ничто меня так не тревожит...»	19
«Мне довелось недавно...»	21
«Наверное, с годами душа устает...»	22
Сын	24
«Я в доме все словари перерыл...»	26
«Ни о чем другом писать не хочу...»	27
«Время мчится день за днем...»	29
Признание	31
«В опустевшем полутемном зале...»	32
Родной дом	33
«Спасибо родителям и судьбе...»	34
Вопросы поклонниц Иосифу Кобзону	36
«Не приму твой тон прокурора...»	38
Творчество и дружба	39
Ане	41
«Город Тверь лежит в сугробах грязных...»	43
«Страна заиклилась на числах...»	44
Реплика	46
«Мы все, кто из созвездья Рака...»	47

Строфы	48
«Две тыщи семнадцатый год...»	48
«Я спросил у мальчишки в школе...»	48
«Любовь, как солнечный луч среди радуг...»	49
«Я хотел бы написать стихотворенье...»	50
На весах искусства	52
Еще одно признание	54
«Мы любим женщин сравнивать с цветами...»	55
«Когда-то и я буду старым...»	57
Юбилейное признание	59
«Мир помешался на деньгах...»	61
Призвание	63
Ане	64
Ане	66
«Мне по душе зима и лето...»	68
«Чем меньше остается лет...»	70
Навек моя Россия	72
Наивность	74
Наш вальс	76
Дети	78
Память о войне	80
Стихи, явившиеся ночью	82
«Я с Лермонтовым в небе...»	83
Другу	85
Война	87

«Закончилась моя карьера...»	88
Моим читателям	89
Бессмертный полк	91
Убийство Лермонтова	93
Опасение	95
«Человек приходит в этот мир для счастья...»	97
«Нас убеждают умники с экрана...»	99
«Девочка с мальчиком за руки держатся...»	101
«Я не знаю, что произошло со мною...»	103
«Печалюсь я, что наша жизнь так коротка...»	105
Три судьбы	107
«При рождении каждого из нас...»	109
«Обычное дело, обычный исход...»	110
Молитва	112
Тарханы	114
«У вас бывает так?...»	115
«Классики вновь на ТВ в меньшинстве...»	117
«Ни дня без строчки...»	118
Анне	120
«Если бы сердце могло говорить...»	121
«Май за окном или снег декабря...»	122
«Я эти строки обращаю к юным...»	124
Родной язык	126
Песня о Москве	127
На Мертвом море	129
Родина	131

Самое дорогое	133
«Я к новой жизни не привык...»	135
«Одному российскому поэту...»	137
«Когда перед Господом нашим...»	139
«Я много в жизни радостей изведаль...»	141
Русская тайна	142
Год милосердия	144
Конец ознакомительного фрагмента.	145

Андрей Дементьев

Жизнь – одна.

Любовь – одна

Серия «Поэзия подарочная»

© Дементьев А. Д., 2018

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

* * *

Исповедальные строки

Вместо предисловия

Я давно заметил, что прошлая жизнь никогда не покидает нас. Она тихо ютится в душе смутными воспоминаниями – то полузабытыми обидами, то ушедшими радостями. И мы даже не подозреваем, какую власть имеет над нами былое. Потому что опыт и мудрость приходят к людям оттуда – из прожитого и пережитого.

Иногда очень хочется заглянуть в себя – десятилетнего, двадцатилетнего или уже пожившего, чтобы увидеть, что изменилось в твоей душе и в твоей жизни и надо ли что-то менять, чтобы ощутить уверенность, когда ее не хватает.

Я прожил долгую жизнь. Она распределилась по воле судьбы на разные эпохи... Помню ночной арест отца, а потом и его братьев, позже оправданных посмертно или прижизненно... Помню, как мы боялись похоронок и бомбежек в Великую Отечественную, как голодали, пряча в глубинах сердца надежды, которые у всех тогда были одинаковы. Много я успел рассказать об этом в стихах, постоянно возвращавших меня в те горестные годы... Но в одном трагическом случае признаться тогда не хватило сил. Шел второй год войны. Была весна. Я вдруг почувствовал, что сил на все уже не хватает... В каком-то отчаянном порыве написал ма-

ме покаянное письмо и, дождавшись, когда бабушка уйдет в огород, вставил в горящую электроплитку боевой патрон и прислонил свою грудь к будущей смерти... Но судьба решила иначе. Видно, что-то забыв, бабушка вернулась, и на шум открывшейся двери я машинально отпрянул. В тот же миг пуля просвистела в пяти сантиметрах от меня. Мама так никогда и не узнала о той ужасной минуте, которая в корне изменила мое отношение к жизни. Я повзрослел настолько, что в моей детской душе родилась в тот миг какая-то щемящая боль ответственности не только за себя, но и за всех, кто мне был дорог... Уже много позже, в разные годы судьба проверяла во мне умение держать перед собой ответ за все, что ты делаешь. Я обозначил в себе это состояние простым словом – совесть. А быть совестливым человеком в наши горькие времена не просто. Не хочу скатываться в брюзжание или в трясину обид, но мне кажется кощунственным, что есть люди на земле нашей, которым не стыдно, ничего, по сути, не знача, имея только золотое чиновничье кресло под собой, получать за свой сидячий труд в сотни раз больше денег, чем, например, мудрая учительница или юная библиотечарша, выводящие наших детей к свету...

Культура держится не на речах,
Не на чиновничьем всесилии,
А на усталых держится плечах
Великих тружениц России.

...Я помню свою первую влюбленность, которая осенила меня еще в школьные годы. Моя избранница – невероятно красивая девочка с романтическим именем Алиса – училась в соседней школе в девятом классе, я в десятом. Отец ее после войны работал за границей, брат погиб на фронте, и она жила со своей матерью – простой русской женщиной, которая души не чаяла в Алисе. Мы ничего не скрывали от Веры Ивановны – ни нашей любви, ни наших планов на будущее. И вдруг в дом нагрянула нежданная беда – маму Алисы свалил смертельный недуг. Она мучилась от болей, но еще больше от горьких мыслей, что ее девочка останется одна. И тогда я пришел к больной измученной женщине и попросил руки ее дочери. Мне хотелось, чтобы Вера Ивановна знала, что Алиса никогда не будет в одиночестве...

Мы схоронили нашу маму на старом тверском кладбище и начали новую и непростую для нас обоих жизнь. Не знаю, поступил бы я так, если бы не случилось того далекого выстрела в моем доме, эхо которого не затихает во мне и по сей день. Ведь нам едва исполнилось восемнадцать! И вряд ли я понимал тогда, какую ответственность беру на себя, не имея ни профессии, ни жизненного опыта. В ЗАГСе в тот день все женщины смотрели на нас с нескрываемой нежностью и... печалью. Прошли годы, и, вспоминая свою первую любовь, я ни разу не пожалел ни о чем, хотя судьба позднее и разлучила нас...

Печально и трепетно письма твои
Давно отпылали в камине.
А в сердце моем уголечек любви
Еще освещал твоё имя.

...Как изменились времена! Думая о своей юности и о тех годах, когда все мы были наивными романтиками и верили каждому слову, если нам его дарил друг, и принимали любой лозунг властей за чистую монету, я печально разочаровываюсь, когда замечаю в иных юных душах возвращенную кем-то лукавую способность свести любое, даже самое высокое, чувство к выгоде. Правда, все это было и в наше время, когда молодые ребята уезжали в далекие северные края, чтобы найти себя и утвердиться в новой жизни... О деньгах не думали. Все это было как бы прикладное. Хотя уже и тогда появлялись особи обоего пола, для кого личная выгода была превыше всего. Но я с такими не дружил...

...Однажды несколько студентов Литературного института написали письмо Сталину, где сетовали на тяжелые условия студенческого быта – общежитие за городом, деньги на электричку доставай, где хочешь, столовой нет, стипендии малюсенькие. Письмо это мы носили по общежитию ночью, чтобы все подписали. По глупости мы тогда не представляли, что за такую «вольность» нас могли не только выгнать из института, но и посадить за решетку. А мне – сыну «врага народа» – попасть могло особо. «Подбил» нас на этот отчаянный шаг наш великий поэт Александр Твардовский, кото-

рый от имени Союза писателей СССР шефствовал над Литературным институтом и который в тот день на студенческом собрании с обидой в голосе сказал нам, что живем мы как-то очень уж скучно. Студенты это поняли по-своему... И появилось письмо, которое подписали даже иностранные студенты – поэты, прозаики, критики... Разразился скандал. Меня вызвали на Лубянку. Седой полковник долго допытывался, кто еще, кроме меня, был инициатором злосчастного письма. А нас было четверо «декабристов». Но я называл только себя. Знаю, что и те трое не выдали никого. И все время у меня перед глазами стояла летняя ночь, когда люди в таких же зеленых френчах уводили моего отца в тюрьму...

Но в тот вечер мы победили. Потому что нашу юную запальчивость поддержали фронтовики – и преподаватели, и студенты, и что особенно было важно – «закоперщик» Твардовский. Нам дали автобус, открыли столовую...

И да будет счастливым грядущее время!

А когда нас не станет – не делайте вид,

Будто не было нас...

В землю брошено семя.

Собирать урожай вам еще предстоит.

И все-таки иногда мне бывает стыдно, когда случайно покривлю душой или умышленно промолчу в угоду кому-то. Даже не в угоду себе. Это отголоски далекого времени, вселившего в нас страх перед будущим, где мы не видели себя,

потому что власть рисовала нам его без нашей бесшабашности и наивных откровений. И тогда я пишу стихи, в которых честно говорю обо всем, что со мною происходит и почему. А в стихах вся моя жизнь, где я не могу ни солгать, ни притаиться, ни слукавить... И как говорил Твардовский, где «ни прибавить, ни убавить...». Помню, на Секретариате Союза писателей СССР обсуждался журнал «Юность», вскоре после того, как я стал его главным редактором. Один из критиков, кому было поручено «доложить вопрос», накануне позвонил мне и сказал, что основа его доклада сводится к тому, что в нашем журнале «хорошее борется с очень хорошим...». К моему удивлению, которое не замерло во мне до сих пор, автор поменял концепцию с «очень хорошего» на «очень плохое». Я нередко сталкиваюсь с такими перестановками в писательской среде. Не так давно уважаемый талантливый прозаик на вручении ему Государственной премии тоже устроил перестановку своих прошлых книг и нынешней жизни, заявив, что ничто и никто его не затянет ни в какие болота. Имелась в виду демонстрация на Болотной площади, куда пришли честные и молодые граждане высказать собственные взгляды на современную жизнь, найти пути ее улучшения... За что некоторые из них теперь в тюрьме.

Поэт Батюшков, кого Пушкин считал своим учителем, когда-то сказал: «Живи, как пищишь, и пиши, как живешь». Честному писателю иного не дано.

Пока мы боль чужую чувствуем,
Пока живет в нас сострадание,
Пока мечтаем мы и буйствуем, —
Есть нашей жизни оправдание.

Как хочется, чтобы каждый мною прожитый день был
оправдан современниками, читателями, Временем...

Андрей Дементьев

Стихотворения 2016–2018

Россия

Я горжусь своей страной –
В счастье и в печали.
И красой ее земной,
И небесной далью.
Прошлым я ее горжусь.
Вечным сорок пятым.
Сердце помнит наизусть
Все Святые даты.
И у Вечного огня
Бью поклон солдатам,
Что спасли собой меня
В том же сорок пятом.
За добро плачу добром.
За обиды – болью.
Радуюсь, что отчий дом
Осенен любовью.
Я горжусь своей страной,
Хоть не все в ней свято,
Если рядом с беднотой
Власть плодит богатых.
Все равно – горжусь страной.
И вся жизнь мне вторит...
Верю я лишь ей одной –

В радости и в горе.

«Уходят в мир иной мои друзья...»

Уходят в мир иной мои друзья,
Порой так рано... И всегда неожиданно.
И память, по былым годам скользя,
Кровоточит сквозь боль мою и раны.
Я не могу смириться с этим злом,
Хотя, как говорится, все под Богом.
И мы когда-нибудь вослед уйдем.
И чей-то путь расстелен у порога.
А потому давайте жить взахлеб,
Чтоб каждый миг был радостью помечен.
И так дружить, и так работать,
Чтоб
Завистникам хвалиться было б нечем.
Но покидают мир друзья мои...
И сердце не справляется с печалью.
Я вышел с ними из одной семьи...
Ее Судьбой в народе величают.

«Ничто меня так не тревожит...»

Ничто меня так не тревожит,
Как хитрое умение ловчить.
Я видел,
Как ты восхищаться можешь
И без конца об этом говорить
Коллеге своему, когда он рядом.
Когда вы рядом...
Но наедине.
Публично же ты эту правду спрятал,
А твой товарищ так нуждался в ней.
Но ты смолчал...
Смолчал на всякий случай.
Вдруг будет недоволен некий зам,
Кому обязан ты судьбой везучей...
А тут еще соперник – дерзкий хам...
Так лучше уж не рисковать карьерой.
К тому ж молчанье все-таки не ложь.
А друг твой – он уже не первый,
Кого ты так умело предаешь.

«Мне довелось недавно..»

Мне довелось недавно
Побывать в Казани.
Где я встречался
С мудрыми людьми.
Они мне столько
Добрых слов сказали...
А я в ответ
Им признаюсь в любви.
Там древний Кремль
Нам распахнул просторы.
И свет струился
В сердце от Кремля...
Живи и здравствуй,
Гениальный город!
Будь счастлива,
Татарская земля!

Казань – Москва

«Наверное, с годами душа устает...»

Наверное, с годами душа устает.

И то, что вчера непременно казалось,

Сегодня во мне вызывает усталость.

Как будто я севший на мель пароход.

Но ты не сердись на меня...

И прости

Нежданную грусть мою, боль и обиды.

Хочу, чтоб с судьбою мы вновь были квиты,

Когда я вернусь на былые пути.

Где каждый наш день был и добр,

И красив...

Где ты понимала меня с полуслова...

А ныне я как-то живу бестолково,

Как будто всю жизнь перевел на курсив.

Но все возвратиться должно...

И тогда

По-прежнему жизнь нам

Покажется сказкой.

И ты не встречай наши будни с опаской...

А я обещаю забыть про года.

Сын

В юности о смерти ты не думал.
В двадцать лет все только началось.
И шагал с тобою рядом юмор,
И душа с тревогой жили врозь.
Все вокруг казалось слишком светлым –
Сны, надежды, поиски, друзья...
Это уж потом нежданным ветром
Остудилась горько жизнь твоя.
Не сумел ты справиться с бедою,
Потому что пламенно любил
Ту, что оказалась недостойной,
Ту, с которой ты достойно жил.
Смотришь ты с последнего портрета.
И проходят без тебя года...
Слышу я порывы злого ветра,
Что ворвался в жизнь твою тогда.
Пролегла разлука между нами.
Но душа общается с тобой.
И болит израненная память,
И не затихает в сердце боль.

«Я в доме все словари перерыл...»

Я в доме все словари перерыл
И отыскал дневники свои,
Хотелось так сказать о любви,
Как мир еще не говорил.
И все свершилось само собой...
Явились мне те слова.
И ты узаконила их права,
Чтоб стали они судьбой.
Я сердцем слышу их тихий плеск.
Я полон ими навек,
Как полон надеждой Ноев ковчег,
Как музыкой – майский лес.
Всю жизнь повторяю я те слова,
И радость светится в них.
Судьба поделила их на двоих.
И снова была права.

«Ни о чем другом писать не хочу...»

Ни о чем другом писать не хочу,
А буду всегда писать о любви.
Не потому, что другое не по плечу.
Просто я растерял интересы свои
К нашей плоской и горькой жизни,
Где все пошло вперекосяк –
Где нас подмял вороватый бизнес,
И простой человек в ней – такой пустяк...
Как и культура – наша боль и совесть,
Которую стали крушить и поганить
Безвкусицей, пошлостью и деньгами,
Выдавая все за прогресс и поиск.
Но я живу за другой чертой,
Где вечные ценности не утрачены,
И жизнь моя чистой верой оплачена,
И ей всегда по пути с добротой.
И потому я пишу о любви.
И останусь верен великой теме.
Мне хорошо в новой жизни с теми,
Кто помнит еще, как поют соловьи.

«Время мчится день за днем...»

Время мчится день за днем.
И года – как бруствер.
Все мы хлопотно живем,
И светло, и грустно.
Я в делах своих погряз,
Сколько их скопилось!
Время, задержись хоть раз,
Окажи мне милость.
Не хотел бы впопыхах
Я с тобой общаться.
Я погряз в своих делах,
Но не в них же счастье.
Ждут со мною редких встреч
Дочери и внуки.
Время, ты мне не перечь,
Поживи в разлуке.
Чтобы я считать не стал
Ни часов, ни буден.
Я от спешки так устал...
Да услышан буду!

Признание

Ане

Я тебя восторженно люблю.
А в разлуке горестно скучаю.
Только жаль, что жизнь идет к нулю.
И душа поэтому в печали.
Ты мне нежно говоришь в ответ –
«Никаких нулей, пока я рядом...
Ведь любви моей так мало лет,
Что о годах говорить не надо...»
Я тебя восторженно люблю.
И глаза твои озарены любовью...
Одолею все я и стерплю,
Лишь бы только быть всегда с тобою.

«В опустевшем полутемном зале...»

В опустевшем полутемном зале
Женщина играла на рояле.
И была она притом печальна,
Словно тихий вечер декабря.
Музыку, овеянную тайной,
Женщина играла для себя.
Для себя играла и печаль, и муки,
Сердцем возвращаясь в свой испуг...
Но жила надежда в каждом новом звуке,
Вылетавшем из-под грустных рук.

Родной дом

*Областной библиотеке
имени А. М. Горького*

Вот он, милый дом моей души.
Здесь живут мои воспоминанья.
Годы оглянулись и ушли.
Даже не сказали «До свиданья».

Слышу, как страницы шелестят.
Между ними где-то наша юность.
Я ловлю из прошлого твой взгляд,
Словно бы и ты сюда вернулась.

Наши годы в памяти стоят,
Будто книги на знакомой полке.
Я ловлю из прошлого твой взгляд —
Бесконечно ласковый и долгий.

Тверь

«Спасибо родителям и судьбе...»

Спасибо родителям и судьбе
За то, что я никому не завидовал,
Что не грустил о чужом рубле
И не делю чью-то роскошь с обидою.
С обидой, что нет богатств у меня,
А у соседа – три золоченых дома.
И мне не хватило б, наверно, дня,
Чтоб обойти все его хоромы.

Обидно – другое: его эгоизм
Нарушил заповедь Бога.
Когда у тебя так сложилась жизнь,
Вспомни, что надо помочь другому,
Тому, кто стар и беден.
Иль у кого
Дети болеют давно и горько.
Отсыпь от золота своего
Горстку.
Чтобы спасти ребенка.

Но у богатых свой счет деньгам,
Хотя не в них, как известно, счастье...
И ухожу я молиться в Храм

За тех, кто к боли чужой причастен.

Вопросы поклонниц Иосифу Кобзону

Народный артист, обладатель Госпремии,
К тому ж обладатель красивой жены,
Мы знаем – у гениев трудно со временем.
Но Вы на вопросы ответить должны.

Когда Вы впервые запели, Иосиф?
И кто Вам вначале поставил плечо?
Вам девушки пишут, ответить Вас просят:
А что Вы умеете делать еще?

Какое у Вас, извините нас, хобби?
И как средь затурканной жизни своей
Находите время для этого хобби?
И сколько у Вас, извините, детей?

Родной наш Иосиф, простите за смелость,
Но хочется Вам пожелать впрямь и вкось,
Чтоб дальше Вам так же талантливо пелось,
И так же хотелось, и так же моглось...

«Не приму твой тон прокурора...»

Не приму твой тон прокурора,
Даже если ты и права.
От мажора и до минора
Поищи подобрей слова.

Для меня это очень важно.
Чтоб от слов шла не гарь, а свет.
Я не просто один из граждан, —
Я влюбленный в тебя поэт.

Перед совестью и тобою
Я все годы был чист и прям.
Нас Господь одарил любовью.
Пусть не будет с ней трудно нам.

Творчество и дружба

Марку Тихману

Я вновь пишу о творчестве и дружбе:
Что может быть прекрасней на земле?
Когда не только ты работе нужен
Или концертам в праздничном Кремле.

Когда ты знаешь, что любим друзьями.
И сам их любишь больше, чем мечтал.
Когда нас греет ласковое пламя
Доверия, надежды и похвал.

Когда ты знаешь, что в любой печали
Друг друга мы не бросим никогда...
Так пусть нас всех лишь праздники венчают —
И ныне, и в грядущие года.

Так говорил когда-то мудрый Бунин...
И наша жизнь той мудрости верна.
За веру эту мы с тобой пригубим.
Потом по-русски хлобыстнем до дна.

И, может быть, услышат в каждом доме,

Что к ним друзья старинные пришли...

А если чьи-то жизни на изломе,
Пусть им поможет этот зов души.

2016

Ане

(«*Я счастливый человек...*»)

Я счастливый человек
И в любви, и в дружбе...
И к стихам припал навек,
Как чиновник к службе.

Может, образ невпопад.
Но душа в смятенье.
Ждут ее то рай, то ад...
Труд и вдохновенье.

Я счастливый человек —
Потому что ты со мною.
А иначе я бы сверг
Бытие земное.

Я бы сверг зарю побед.
И упрятал гордость,
Если б ты сказала «Нет».
Моему восторгу.

Ты же мне сказала «Да».
Улыбнулась мило,

Чтоб я знал, что никогда
Счастье не промчится мимо.

«Город Тверь лежит в сугробах грязных...»

Город Тверь лежит в сугробах грязных.
Мы буксуем на холодном льду.
Ехал я домой на общий праздник,
А попал в случайную беду.

Русские не могут без обмана.
Наказали мы самих себя.
И пришла опять зима неожиданно,
Словно много дней до декабря.

До чего ж беспечная натура
У людей, живущих на авось.
Сколько раз я доверял им сдуру,
Столько раз и маяться пришлось.

«Страна зациклилась на числах...»

Страна зациклилась на числах:
Кто сколько получил за год.
Вот некий чин нагреб наличных
Так много, словно он завод.

В сравнение с ним
Наш президент с премьером
На малых прибылях сошлись...
Что делать мне с наивной верой
В то, что добреет наша жизнь.

Как тебе живется,
Дорогой чиновник?
Очень *дорогой*
За наш российский счет...
Ты уселся в кресло,
Как в горшок шиповник,
Что, как ты, —
До крови иссечет.

Реплика

Весь мир обсуждает недавние выборы.
Америка в шоке, что в бездну зашла.
Как будто бы ей эти новости выдали
В какой-нибудь Кении... Не в США.

В Америке ищут виновников смуты.
А главный виновник бок о бок живет.
И кто-то сказал незлобливо и мудро –
«Не нравится Трамп? Поменяйте народ...»

«Мы все, кто из созвездья Рака...»

Мы все, кто из созвездья Рака, —
Довольно вспыльчивы подчас.
От нас порою могут плакать.
Но быстро и прощают нас.

Не потому ль, что мы готовы
Всегда признать грехи свои.
И наше искреннее слово
Полно мучений и любви.

Строфы

«Две тыщи семнадцатый год...»

Две тыщи семнадцатый год
Напомнил мне давнюю давность:
Опять наплодили господ,
А бедных сослали в бесправность.

«Я спросил у мальчишки в школе...»

Я спросил у мальчишки в школе:
«Как живется тебе в неволе,
Когда все у вас по минутам,
И не дай Бог, если что-то спутал?»
Но малыш меня сбил ответом:
«Но и ты ведь прошел все это».

«Любовь, как солнечный луч среди радуг...»

Любовь,
Как солнечный луч среди радуг...
Вслед за тобою я к радуге мчусь.
И верю, что нам не случится падать
С высоты наших нежных чувств.

«Я хотел бы написать стихотворенье...»

Я хотел бы написать стихотворенье
Самое родное для меня,
Чтоб оно легко прошло сквозь Время,
Стало светом завтрашнего дня.

Я хотел бы написать стихотворенье
Милой Ане – дорогой жене,
Чтоб оно дышало лаской и доверьем,
Отзываясь добротой во мне.

И хотя оно не будет первым,
Но знакомых строк не повторит.
Как смычок по скрипке,
Так, наверно,
Музыкой вдруг отзовется ритм.

И чтоб музыка была не грустной.
Жизнь не раз нам причиняла боль.
Много лет живем одним мы чувством,
И одна судьба у нас с тобой.

На весах искусства

Для крутой неграмотной попсы
Я никто... И звать меня никак...
Мысленно кладу я на весы
Выступлений всех своих аншлагов.

А еще десяток новых книг,
Что читает мне вослед страна.
Нет у счастья у меня без них. —
Ими жизнь моя озарена...

На другую чашу я кладу,
Впав в недоумение и злость,
Жалкую словесную руду,
Где таланту места не нашлось.

Где такая музыка взошла,
Что душа и уши вянут враз.
Где танцуют некие тела
Пошлость и бездарность напоказ.

Но еще печальнее, что зал
Хлопает и падает в восторг.
Это кто же вкус им поломал,

Кто искусство позабыть помог?..

Еще одно признание

Я бесконечно рад,
Что ты всегда со мной,
Что рядом твоя нежность сердца,
Что ты мне продлеваешь путь земной
В немыслимой российской круговерти.

Прости, что я порою нетерпим.
Но это все от нервотрепки нашей,
И если жизнь под силу нам двоим,
То одному порой бывает страшно.

Хотя мужик в семье – и рыцарь,
И глава.
Я знаю это по отцу и деду...
И потому в своих обидах ты права,
Когда я где-то упустил победу.

«Мы любим женщин сравнивать с цветами...»

Мы любим женщин сравнивать с цветами.

И выбираем лучшие из них...

Ты вот, к примеру, роза...

Но с шипами.

Я чувствую порой уколы их.

Ты можешь словом уколоть и взглядом,

Когда я виноват или неправ.

И если я оказываюсь рядом,

То вновь смиряю свой упрямый нрав.

Но мне приятно быть под боевым прицелом.

Как хорошо, что так пристрастна ты.

Я бы, наверно, многих не добился целей

Без мудрости твоей и доброты.

А потому всем рыцарям мужского пола

Желаю – не впадайте в благодать.

Без женского пристрастия и упора

Нам эту жизнь вовек не обуздать.

«Когда-то и я буду старым...»

Когда-то и я буду старым,
Возьмут меня годы в полон.
Заменю я маминым самоваром
Джин с тоником и самогон.

И как поется в старинной песне –
У самовара...
Только ты да я.
Сказать по правде, сюжет не весел.
И песня та не моя.

И потому я все позабуду,
Глядя в глаза твои...
И случится веселое чудо:
Я не стану гонять чай.

И ты, наверное, угадаешь,
Почему забыт самовар.
Жизнь у нас молодая.
Ты молода, и я не стар.

И верну привычное нам застолье.
Джин с тоником и коньяк...

А самовар поживет в неволе,
Заброшенный на чердак.

А когда захочется чаю,
Соберу друзей под него.
И душой чуть-чуть опечалюсь,
Впав в усталое торжество.

Потому что не зря же предки
Одарили мудростью нас.
Годы юные – они не ветхи.
Годы ветхие – не на час.

Потому и достал вчера я
Мамин старенький самовар.
Чтоб не жить от традиций с краю.
Что не впасть вдруг в чужой овал.

Юбилейное признание

Двадцать лет стремительно промчались
По моей и по твоей судьбе.
Помнишь, мы однажды повстречались?
Помнишь, что я говорил тебе?

Говорил, что нет мне в жизни счастья
Без твоей улыбки, без небесных глаз.
И мои слова звучали, как причастье.
И Господь тогда услышал нас.

Ты была, как прима Голливуда, —
И красива, и добра ко мне.
Аня, Анечка, ты – чудо!
Ты – мой добрый ангел на Земле.

Без тебя бы жизнь была бездарна
На ухабах вечной суеты...
Я кладу у ног твоих тюльпаны
И стихи, которым рада ты.

«Мир помешался на деньгах...»

Владимиру Березину

Мир помешался на деньгах.
Теперь всему есть жесткий ценник,
И даже ироничный Гафт,
Жалея, что не нажил денег,
Грустит о временах весенних,
Когда дружили все взахлеб
И жили, словно в семьях братья.

А ныне мир, как старый жлоб,
Себя без выгоды не тратит.

Но, слава Богу, есть друзья,
Кому могу я свято верить.
Чьи души погасить нельзя,
Чей свет деньгами не измерить.

Для них превыше всяких фраз,
Превыше всех надежд весенних
Союз сердец, сроднивший нас,
Что никогда нам не изменит.

Призвание

Красота спасет мир.
Ф. М. Достоевский

Копаться в земных мелочах
И житейских невзгодах, —
Серьезной Поэзии не под стать.
Поэзия – это всегда звучит гордо.
Призвание ее – Красоту воспевать.

Люблю нашу классику я...
Не Баркова,
Не модную ложь
Конъюнктурных писак.
В веках остается
Лишь мудрое Слово,
Чтоб не попала
Культура впросак.

Ане

(«Когда по утрам меня мучит боль...»)

Когда по утрам меня мучит боль,
Я наивно ее от тебя скрываю.
Но боль моя остается с тобой,
Даже когда я о ней забываю.

Потому что две наши жизни навек
Сошлись в одну счастливую добровольно.
И если зло на тебя совершит набег,
Мне будет так же горько и больно.

Но я не оставлю тебя одну
Против любой окаянной силы...
Давай послушаем тишину,
И в ней два слова –
«Любимая...» «Милый...»

И потому нам с тобой не страшны
Никакие удары и беды.
Мы не только друг в друга
Навек влюблены,
Мы любим взаимные наши победы.

Когда ж по утрам меня мучит боль,
Так это годы, что мстят за возраст.
Забудь о них... И мне позволь.
Смотри, как с небес
Нам улыбаются звезды.

Ане

(«*Я сотворен из боли...»*)

Я сотворен из боли,
Надежды и доброты.
С болью борется воля.
Надежду лелеешь ты.

А доброта моя –
Это тоже ты.

И живу я в трех измерениях.
И кажется, жизнь удалась,
Что-то в ней ограничено временем,
А чем-то я наслаждался всласть.

И кажется мне, что плыву я в лодке,
Где всем управляю сам.
Плыву по реке – голубой и кроткой,
Как будто по небесам.

Ты в лодке со мною тоже.
По-другому не могло и быть...
И нет ничего дороже,
Чем вместе с тобою плыть.

Река нас выносит к зорям,
Мимо бед, обид, суеты...
Можно было бы плыть и морем,
Но выбрала Волгу ты.

«Мне по душе зима и лето...»

Валерию Когану

Мне по душе зима и лето.
И первый снег, и дождь грибной.
Иду по ледяному следу,
Чтобы попасть в июльский зной.

Мне по душе льняная голубь
И тихий желтый листопад,
Присевший у порога голубь,
В печаль окрашенный закат,

И музыка седого ветра,
Когда февраль берет разбег,
И море сказочного света,
Что дарит сердцу чистый снег.

Мне по душе раскаты грома
Над радостной землей моей...
И песня, спетая негромко,
Вернувшихся к нам журавлей.

Мне по душе зима и лето,

Года и дни, что их хранят.
Иду по дорожному следу
Своих надежд, своих утрат.

«Чем меньше остается лет...»

Чем меньше остается лет
До той черты, где жизни нет, —
Тем мы тревожней смотрим в завтра.
Не потому, что было много бед,
А потому, что главная беда
Всегда внезапна.

Чем больше человеку лет,
Тем он щедрее доброту нам дарит.
Не потому, что немощен и сед,
А потому, что доброты всем не хватает.

Чем больше человеку лет,
Тем он нежней ко всем идущим.
Не потому, что дел важнее нет,
А потому, что хочет, чтоб мы жили лучше.

Мы все проходим этот путь, —
Путь счастья, поисков и боли...
И в сторону с него свернуть
Душа и жизнь нам не позволят.

Навек моя Россия

Я люблю мотаться по России
В поездах, в авто или пешком,
Потому что в мире нет земли красивей,
Потому что это мой родимый дом.

И горжусь, что был рожден на Волге
Юной мамой в городе Твери,
Где морозы и крепки, и долги,
И прекрасны отсветы зари.

Где стоят по городам и весям
Памятники в честь героев боевых,
Что теперь всех негодяев бесит,
Потому что мы опять сильнее их.

Москвичи мои и тверичане,
Радостно и нежно вас любя,
Я готов принять на сердце все печали,
Взять все ваши беды на себя...

Я люблю мотаться по России,
Чтоб общаться с добрыми людьми,
Кто в меня вселил и свет, и силу...

И кому я снова объяснюсь в любви.

Объяснюсь стихами, песней,
Взглядом,
Полным благодарности и слез...

Где бы мы ни жили —
Наши души рядом.
В этом мире
Нам нельзя быть врозь.

2017

Наивность

Все на Земле несправедливо:
И жизнь, и блага в ней, и быт...
Вот кто-то начал путь красиво,
А кто-то с детства инвалид.

И девочка не виновата,
Что ей с коляской жить вдвоем.
И падают в бою солдаты,
Спасая чей-то добрый дом.

Не знаю, кто там делит блага,
Но видел огорченно я,
Как ветеран негромко плакал,
Опять оставшись без жилья.

И все ж я верю в Божью милость
И справедливость на Земле...

Простите мне мою наивность,
Но без нее не выжить мне.

Наш вальс

На юбилее друга все танцуют вальс...
И мы с тобою танцевали тоже.
Вблизи твоих весенних глаз
Я чувствую себя на сотни лет моложе.

Хочу, чтоб дольше праздник не умолк,
Чтобы звучала музыка по залу.
Чтоб я успел отдать тебе свой долг:
Расцеловать за все, что ты сказала.

Сказала ты, что счастлива была,
Когда впервые я тебе признался,
Как дорога ты мне и как мила...
И это все случилось в вихре вальса.

И мы танцуем вальс...
Тот самый, что ТОГДА,
Когда еще не знали мы с тобою,
Что впереди нас ждут прекрасные года,
Что озарит Господь их счастьем и любовью.

А вальс звучит — над залом и во мне.
Звучит в твоей душе,

Как майский ливень...

И в этой музыкальной тишине –

Твои глаза молчат красноречиво.

Дети

Как можно не любить детей?!
Не умиляться их смешным проказам,
И не делиться радостью своей,
Когда любая встреча с ними – праздник.

А праздник – это их весенний смех,
Наивность и вопросов, и признаний,
Когда среди восторгов и утех
Они душой не расстаются с нами.

С волнением смотрю я на экран,
Когда для нас стихи читают дети.
И зал притихший, словно Божий Храм,
И ничего нет праведней на свете.

Спасибо славной Родине моей
За всех девчонок наших и мальчишек,
За то, что предков учат быть добрей,
Ведь доброты не может быть излишек.

Память о войне

Русский мальчишка жалеет немецких солдат,
Тех, что погибли под Курском и Сталинградом.
Тех, что в земле под Москвою лежат.
Тех, что хотели «блицкриг» свой
Закончить парадом.

Но не случилось...
Их Бисмарк предупреждал,
Чтоб не ходили войной на Россию...
Но не этим мальчишка мне душу порвал,
Что пожалел он чужое бессилье.

Просто я вспомнил былую войну
И похоронку на старшего брата.
Он не рвался за смертью в чужую страну,
А погиб в своей возле стен Сталинграда.

Но мальчишку того я судить не берусь.
Видно, от предков ума ему не достало.
И тревожусь в душе за любимую Русь,
Когда чувствую в ком-то преступную жалость.

Стихи, явившиеся ночью

Ане

Я хочу еще чуть-чуть поспать,
Чтоб ты снова мне приснилась:
И твоих волос густая прядь,
И улыбки радостная милость.

А когда я чуточку посплю,
Я тебе признаюсь снова,
Как тебя я пламенно люблю.
И замрет в глазах восторженное слово.

И начнется день, и поплывут дела
Не во времени и без досуга.
Видишь – за окном заря взошла,
Чтобы видеть нам с тобой друг друга.

«Я с Лермонтовым в небе...»

Я с Лермонтовым в небе...

Фантастика.

Несет его имя наш самолет.

И синяя мгла к узким окнам ластится.

И даль ледяная внизу плывет.

Читаю вслух гениальные строки:

«Спит земля в сияньи голубом...»

И кажется мне – все голубые дороги

Несут Божье Слово в его отчий дом.

И он Его повторяет снова.

Не для себя, а скорее для нас.

И успокоились в страхе снобы,

Не поднимая пугливых глаз.

Я в небе с Лермонтовым... Не верится,

Что можно быть рядом с ним.

И душа от этой близости греется.

И луна над землей, как волшебный нимб.

Другу

Сердце просит пощады,
Просит сбавить накал...
«Не дождешься награды,
Добрых слов и похвал.

И за то, что открыто
По велению любви
Ты чужие обиды
Принимал, как свои,

Призывал Божью милость
К тем, кто падал во грех.
И считал справедливость
Привилегией всех,

Не боялся начальству
Возражать на виду,
И менять свое счастье
На чужую беду,

И тупому молчанью
Вызов предпочитал,
Когда ложь величали,

Не стесняясь похвал,
Когда правду гноили,
Напрягая слова...»

Трудно жить в этом мире,
Если совесть жива.

Война

Я помню – был еще мальчишкой малым,
Когда в Россию ворвалась война.
Четыре года нас она ломала,
Но просчиталась в этот раз она.

Мы одолели все: и горькие потери,
И голод, и отчаянье, и страх.
Я выжил потому,
Что свято верил
В Победу, зарожденную в боях.

Спасибо Родине, отцу и маме
За жизнь, подаренную мне...
И день грядущий вновь нас не обманет
За то, что мы верны своей стране.

«Закончилась моя карьера...»

Закончилась моя карьера.
Стихи уходят в никуда.
Хотя есть Гете для примера.
Он пел любовь в мои года.

Влюбился гениальный мэтр в девчонку.
Раскрыл всю душу перед ней,
Как будто был повинен в чем-то
Пред давней юностью своей.

А я в тебя влюблен навеки.
И не считаю лет своих.
Как не стареют в ритме реки,
Так молод мой влюбленный стих.

Моим читателям

(«*Много лет миновало с детства...*»)

Много лет миновало с детства,
Когда я понял, что мне с людьми
Суждено жить не по соседству,
А по сердцу и по любви.

А когда же Муза ко мне явилась,
Я почувствовал, что и ей
Оказали те люди милость
И душой, и судьбой своей.

И живу я не славы ради,
Не в угоду рублям своим...
И восходят в моей тетради
Строки, что я посвящаю им.

Потому что всю жизнь мы рядом,
Возле радостей и невзгод...
Мне не надо иной награды,
Кроме той, что мне дал народ.

Бессмертный полк

Мы воскресили павших...

И Бессмертный полк

Прошел по всей России

В День Победы.

Я следом шел...

И слез сдержать не мог.

И в сердце оживали

Прожитые беды.

Бессмертный полк – святыя имена.

Печальные и дорогие лица.

Бессмертный полк – Священная война,

И День Победы, что в веках продлится.

Прошли года, как все произошло.

Но мы горды всегда Девятым маем.

И это легендарное число

Бессмертный полк

Над миром поднимает.

Убийство Лермонтова

Солнечный полдень... Гора Машук...

Все приготовлено для трагедии.

В глазах секундантов живой испуг,

Которым они чью-то смерть поместили.

Все приготовлено к ней.

И вот

Мартынов уставился в планку немо.

Лермонтов тихо к барьеру идет.

И первым стреляет...

В небо.

Мартынов торопится, в позу встает,

Чтоб опозорить ТОТ день июля.

Лермонтов молча стоит

И ждет.

И несется к нему роковая пуля.

А пули той могло и не быть.

Но Мартынов не был рыцарем чести.

Он не дал поэту ствол зарядить.

И поднял свой, заряженный местью.

Раздался выстрел...

И вслед за ним

Небо заплакало одиноко.

И гром загремел над холмом пустым.

Неистовый, как негодование Неба.
А секунданты тут же умчались прочь,
Бросив товарища трусовато...
Была позорной для них та ночь.
И стало бессмертье Поэта
Расплатой.

2018

Опасение

История устроила зигзаг
Стране моей,
Уставшей от невзгод.
Невольно вспоминается ГУЛАГ,
Куда наш вождь
Запихивал народ.

Я не хочу возврата к временам,
Когда жилось невыносимо нам,
Где не было почета именам,
А было лишь почтение чинам.

Я не хочу всевластия чинуш,
Решающих за нас,
Как надо жить.
Им что? Побольше было б
Мертвых душ,
Чтоб без опаски
Произвол творить.

Я знаю, что вовеки не приму
Неравенство,
Что крепнет с каждым днем.

Когда златые горы – одному,
Другому – три копейки на прокорм.

Россия, помни – ты у нас одна.

Великая любимая страна...

Но всем твоим «величиям»

Хана,

Если на шею нам

Усядется шпана...

«Человек приходит в этот мир для счастья...»

Человек приходит в этот мир для счастья, —

Кто-то из великих написал...

Я поверил, принял, как причастье,

Потому что был еще и глуп, и мал.

Но года все изменили круто.

И познал я сквозь обиды соль

И предательств горькие минуты,

И потерь невыносимую боль.

Понял я, что жизнь несовершенна

И обманчив этот мир земной,

Где душа, как чуткая антенна,

Ловит наши нелады с судьбой.

И порой бывает так обидно,

Когда друг теряет честь и стыд.

Словно он не друг уже, а быдло,

И остаться быдлом норовит.

Иногда и ты ко мне несправедлива,

В мелочах, что наша жизнь таит.

И терзает душу беспокойный ливень
Горьких слез, не стоящих обид.

Я, наверно, тоже суеты добавил...
Но стараюсь не сходить с пути,
На который нас с тобою вывел ангел,
Чтоб смогли мы рядом до конца идти.

«Нас убеждают умники с экрана...»

Нас убеждают умники с экрана,
Что жизнь в России лучше с каждым днем.
Хотя она давно не по карману
Тем, у кого, как милостыня, дом.

Забыв, что все мы по рождению братья,
Нам минимум мечтают предложить,
Которого на смерть едва ли хватит,
А мы хотим достойно жизнь прожить.

Наверно, мы доверчивы чрезмерно.
Иль слишком осторожны в нужный час,
Когда нам врут и без стыда, и меры...
А, может быть, они боятся нас?

Не призываю к бунту или дракам,
Хочу лишь, чтоб достойно жили все.
И жизнь не занавешивали мраком,
И не мотались белкой в колесе.

«Девочка с мальчиком за руки держатся...»

Девочка с мальчиком за руки держатся,
Шагая тропой лесной.
А рядом с ними деревья нежатся
И тушат июльский зной.

И мы с тобой, словно юные парубки,
Бойко бежим в рассвет.
И тоже нежно держимся за руки,
Как будто нам двадцать лет.

Наверно, так человек устроен,
Что в свой критический час
Он со временем тихо спорит,
Видя, что убыл его запас.

Потому мы и держимся за руки,
Что одиночество не для нас.
Часы над нами неслышно замерли.
И замер я возле любимых глаз.

«Я не знаю, что произошло со мною...»

Я не знаю, что произошло со мною,
Стал я сильно ревновать тебя,
Как ревнует к солнечному зною
Яростная вьюга декабря.

Лучше, чтобы ты о том не знала.
Я оберегаю твой покой.
Просто много будней миновало,
И явился эгоизм мужской.

И хотя я родом не с Востока,
Но живет во мне традиция одна:
Красота твоя открыта для восторга,
Но лишь мне принадлежит она.

Просто я люблю тебя безумно.
С каждым днем сильнее и нежней.
И душа моя, как одержимость зубра,
Что с дороги не свернет своей.

«Печалюсь я, что наша жизнь так коротка...»

Печалюсь я, что наша жизнь так коротка,
Что столь стремительно несутся годы.
Уже уверенность моя не так крепка.
И стал я жить смиренно, а не гордо.

Хотя судьба по-прежнему добра,
Мы оба влюблены...
И нет любви нежнее.
И к творчеству не заросла тропа.
И столько добрых душ сроднились с нею.

А, может быть, внезапная хандра
Явилась потому, что нет тебя со мною?
По зову сердца, долга и пера
Умчалась ты дорогой неземною.

Я жду, когда ты будешь вновь со мной.
И отрекусь от всех своих печалей...
И наша жизнь покажется иной.
И строки эти повторю едва ли.

Три судьбы

Три города мне ближе всех на свете.
И первый город, где родился я.
Гуляет по нему весенний ветер,
Как юность бесшабашная моя.

А город этот величают Тверью...
Раскинувшись на волжском берегу,
Он Пушкина одаривал доверьем,
Нашел Крылову первую строку.

Второй мой город – добрая столица,
Открывшая поэзию во мне.
Когда она, как сказочная птица,
Со мной летала в гулкой тишине.

А третий город, как подарок свыше,
Я слишком поздно породнился с ним...
Не потому ли и в войну я выжил,
Чтобы взойти в Святой Иерусалим.

Три города, что внешне непохожи,
Но родственны душою и близки...
И нет на свете этих трех дорожек,

Всем горестям и бедам вопреки.

«При рождении каждого из нас...»

При рождении каждого из нас
В небе зажигается звезда...
Чтобы свет ее в душе не гас,
Жизнь должна быть честно прожита.

Если ж вы нарушили завет –
Многое изменится в судьбе...
Берегите тот небесный свет.
Если не хотите зла себе.

«Обычное дело, обычный исход...»

Обычное дело, обычный исход:
Кончаются сутки. Кончается год.

Кончается детство у школьной доски —
И вот у тебя серебрятся виски.

Над городом годы плывут чередой,
Над тем, где когда-то ты был молодой.

Кончается полдень. Кончается ночь.
Уходит беспечная молодость прочь.

Обычное дело. И нынче, как встарь,
Кончается август и снежный январь.

Кончается отпуск. Кончается даль.
Худеет опять на стене календарь.

Обычное дело. И, как ни крути,
Кончаются в мире любые пути.

За ниточку времени как ни держись,
Кончается все... Не кончается жизнь.

Молитва

Господи, спаси и сохрани...
Окажи нам божескую милость.
Пусть годами обернутся дни,
Чтобы радость безмятежно длилась.

И хотя бессмертной жизни нет,
Я хотел бы вечно быть с тобою,
Не считая промелькнувших лет,
Озаренных счастьем и любовью.

Помню я наш первый вербный день,
День весны, день солнца и надежды.
Когда сверх других и неотложных дел
Нам Природа подарила нежность.

А еще немало светлых дней,
Полных веры в будущие годы,
Озаренных красотой твоей...
И душой, доверчивой и гордой.

Потому не тороплю я дни,
Что мудры и милы нам обоим.
Господи, спаси и сохрани

Жизнь, рожденную любовью.

Тарханы

Святая земля – Тарханы.
Все легендарно в ней –
Закаты – в лучах багряных.
Восходы – в тени ветвей.

И я суеверно верю,
Что Лермонтов видит нас,
Когда открывает двери
Лермонтовский Парнас.

К Тарханам мы все причастны
Верой, любовью, душой.
Давайте встречаться чаще
На этой земле Святой.

«У вас бывает так?..»

У вас бывает так?

Едва расставшись с женщиной любимой,
Вы в одиночество впадаете тотчас.

И ваша боль горька и нестерпима,
Как будто минул год, как разлучили вас.

И вы готовы вслед бежать за нею,
Чтоб вновь ее услышать...

И потом

Всем нетерпением, всей тоской своею
Молить ее вернуться в грустный дом.

Хотя вы столько лет живете вместе.

И этот дом – приют ваш и уют.

Но, как поется в позабытой песне,
Разлуки нам покоя не дают.

И вы берете телефон послушный

И говорите ей – «Я так тебя люблю!»

Простите, что раскрыл вам душу,

Простите милосердно боль мою.

«Классики вновь на ТВ в меньшинстве...»

Классики вновь на ТВ в меньшинстве.
Малоизвестные лбы на экране.
Как будет дальше – я знаю заранее.
Знаю, кого предпочтут на ТВ.

Чья-то фамилия слишком проста.
Чья-то не к месту крестьянская морда.
И, словно «хаммеры» мимо мента,
Мимо несутся редакторы гордо.

Ну, а на «нет» и суда, вроде, нет...
Снова лежу на диване, как зритель.
Я понимаю, чего вы боитесь
И неприязненно смотрите вслед.

«Ни дня без строчки...»

«Ни дня без строчки...» —

Сказал прозаик.

«Ни строчки боле», —

Вздыхнул поэт, —

Пусть отдыхает в коллегях

Зависть,

Кому Господь не открыл секрет,

Как овладеть волшебством великим,

Чтоб «жечь глаголом

Сердца людей...»

Не потому ли пылятся книги

Тех, кто все спутал в судьбе своей.

Я никого не хочу обидеть.

Но были Пушкин, Есенин, Блок.

Им было бы неприятно видеть,

Как мир от наглости изнемог.

Когда уже не талант решает,

Не Бог, не гены и не судьба,

Кого приветит на стих Державин,

А кто не в силах постичь слова.

И потому лже-поэтов много,
И много музыки никакой...
Листаю с радостью книгу Блока.
И диск Мартынова под рукой.

2016

Анне

Я признаюсь тебе в восхищении,
Как я признался когда-то в любви.
Вновь зажигаются звезды вечерние
И посылают нам тайны свои.

Правда, одну разгадал я нечаянно...
В ней мне слышался Божий завет.
Снова целую кольцо обручальное,
То, что ты носишь уже двадцать лет.

Я признаюсь тебе в восхищении,
И улыбаешься радостно ты.
Ведь без тебя бы я жил в отречении
Счастья, надежды и красоты.

«Если бы сердце могло говорить...»

Если бы сердце могло говорить,
Оно бы спросило неверного друга:
Откуда в тебе эта лживая прить,
Похожая на безнадежность недуга?

Когда все то, что ты говоришь, —
Похоже на завядшую ветку.
И тихая фраза, как тихая мышь,
Крадется за выгодой незаметно.

«Май за окном или снег декабря...»

Май за окном или снег декабря,
Мир полон света, надежд и открытий.
Каждое утро смотрю на тебя
Так, словно я тебя вечность не видел.

Вновь поражаюсь твоей красоте,
Детской улыбке, очам твоим внешним.
И остаюсь верен той высоте,
Где в мое сердце сошла твоя нежность.

Чем повстречает нас будущий день,
Светлым признанием над дружеским даром?..
Иль суетой неоконченных дел,
Или каким-то восторгом неожиданным?

Что бы там ни было... Все я приму.
Время летит сквозь пургу и сквозь ливни...
Вновь ты прильнула к плечу моему.
Значит, и этот день будет счастливым.

2016

«Я эти строки обращаю к юным...»

Я эти строки обращаю к юным,
Чьи души, как открытая тетрадь.
Кому уже понятен взрослый юмор,
Который помогает выживать.

Хотел бы я им передать свой опыт,
От глупостей и бед предостеречь,
Чтобы в душе не оседала копоть,
Когда начнут иллюзии гореть.

Чем меньше будет разочарований,
Тем больше в сердце
Мудрости и сил.
А жизнь и награждает нас, и ранит,
И не поймешь – кто мил ей, кто не мил.

И к этому уже нельзя привыкнуть,
Надеясь на привычное «авось»,
Судьбе мы все выплачиваем выкуп
Тем, чего добиться не пришлось.

Я обращаю к юным эти строки.
Пусть они не повторяют нас,

Когда мы перед недругами кротки,
А возле лжи не поднимаем глаз.

Родной язык

Родной язык – божественное чудо.
Он нас не предавал и не предаст.
И в бедах он к нам бесконечно чуток,
И в радостях не покидает нас.

И так надежно искреннее слово,
Когда в душе не остается сил.
Родной язык – как оголенный провод,
Что всех славян навек объединил.

И свет добра, что согревает сердце,
Не мыслим без мелодий языка.
Пока мы вместе – этот мир бессмертен
И дружба наша тоже на века.

Песня о Москве

Петру Павловичу Бирюкову

Когда заря взойдет,
Рассвет в Москва-реке
Рисует витражи
Твоих спасенных храмов.
Храни тебя, Господь,
От всяких непогод.
Тебе к лицу, Москва,
И майский цвет, и мрамор,

Все прошлые года
Тебе принадлежат:
Есенинский восторг,
И пушкинская нежность,
И слава тех солдат,
Что не пришли назад.
И светлый Храм Христа,
И красота Манежа.

От выюг белым-бела,
От солнца зелена,
Москва всегда была

Одна на всю Россию.
Звонят колокола,
И слышит звоны мир.
И только ты одна
Так в этот миг красива.

И улицы твои,
Как память о любви.
Москва – судьба моя,
Моя душа и совесть.
Молитвой и добром,
Талантом и мечом
Писала ты в веках
Свою святую повесть.

На Мертвом море

Мы открываем в январе сезон
На Мертвом море,
Не дождавшись лета.
Смотрю из-под спасительного пледа,
Как в воду погружается Кобзон.

Я тоже влез в холодную купель.
По морю вьется солевая тропка,
Как будто это смерзшиеся хлопья
Здесь намела российская метель.

Не так уж зябко после наших зим...
Как огурцы в рассоле – мы в прохладе мокнем.
И если плохо станет нашим легким,
То, значит, был на уровне экстрим.

Приезжих из России – несть числа.
Морскому раю радуются люди.
И море их желанье не остудит,
Не зря же с морем их судьба свела.

Потом горячий душ, халат, отель.
И как-то стали ближе мы друг другу,

Когда бутылка поплыла по кругу...
Мы пьем за всех, кто одолел купель.

И вновь за руль... Умение свое
Я подтверждаю на опасных спусках.
Святой земле никак нельзя без русских,
Как русским невозможно без нее.

Хотя мы здесь нарушили уклад
И берег взбудоражили весельем,
Зато январь стал месяцем весенним.
А кто же в зимний день весне не рад?

Родина

Поклон Земле, где я родился.
Родился я в СССР.
И Родиной своей гордился.
Быть может, больше, чем теперь...

Теперь живу в другой стране я,
Где новым веяньям не рад.
Тому, что стали мы беднее,
Что все прогнозы не попад.

Но не страна в том виновата.
А виновата наша власть...
И кто-то уезжает в Штаты.
В Европу юность подалась.

А некий чин нам врет с экранов
Про взлет, прогресс и благодать:
Что власть лелеет ветеранов
И стали меньше воровать.

А то, что у него зарплата
В сто раз объемней, чем у нас, —
Про то народу знать не надо.

Кайфуй в нужде рабочий класс.

...Поклон Земле, где я родился.

Упрек стране, где я живу,

За то, что мы стоим у пирса,

А надо быть нам на плаву...

2011

Самое дорогое

На свете нет ничего дороже
Здоровья, родителей и детей.
И без любви мы прожить не можем.
Жизнь счастьем обязана ей.

Я вспоминаю часто отца и маму.
И в сердце – печаль, как шквал.
Хотя набежало годов немало,
Мне кажется, с детства я их потерял.

Здоровье от Бога нам всем дается.
А Божьи посланники – это врачи.
И если вдруг от боли неймется,
Не впадай в отчаяние и молчи.

Врачи услышат твоё молчанье,
Ты не только для них пациент.
И в ответ на твоё отчаянье
Надежду впишут в рецепт.

«Я к новой жизни не привык...»

Я к новой жизни не привык.
В ней непонятно все и зыбко.
И каждый день, и каждый миг
Встречаю горестной улыбкой.

Я не привык к театру,
Где
По сцене голые гуляют,
И если надо, по нужде
Готовы исхитриться в зале.

Я пошлость с детства не терплю,
Когда она искусство губит.
Но здравый смысл свели к нулю
Те, кто власть и деньги любят.

Я к новой жизни не привык.
И привыкать назло не буду...
Мой русский, мой родной язык
Спасет от пошлости и блуда.

«Одному российскому поэту...»

Одному российскому поэту
Стала вдруг Россия не мила.
Может, потому,
Что он блуждал по свету,
Где Россия не в чести была?
Иль считал он, что она виновна
В том, что мало славили его.
И хотя обидно было ей и больно,
Но она прощала сына своего.
Потому и мог всегда бывать он
На престижных форумах коллег,
Зная, что Россия все оплатит...
Думая, что эта блажь навек.
Но однажды Родина вспылила,
Не дождавшись совестливых дней,
А поэту не хватило силы
Честно повиниться перед ней.
Впрочем, и не думал он виниться,
Если правым чувствовал себя.
Если вся родная заграница
Гневалась, Россию не любя.
Может, потому и модно ныне
Поносить страну, где ты живешь.

Меньше дома – больше на чужбине,
Смотришь, и в герои попадешь.

2018

«Когда перед Господом нашим...»

Когда перед Господом нашим
Я буду держать ответ,
Он спросит,
А много ль врагов я нажил
В тревогах минувших лет.

И много ль было друзей надежных,
Добрых, как отчий дом.
И знал ли я, что милостью Божьей
Не был в пути обойден.

А если Он ни о чем не спросит,
Зная все наперед,
Я вспомню свою последнюю осень,
Полную зла и невзгод.

Когда, устав от бед и пристрастий,
Мое золотое перо
Неслось мимо чужих несчастий,
На миг забыв про добро.

Но, может, я буду прощен Всевышним...
Его доброта превыше грехов.

И голос Его я сердцем услышу,
И эхо коснется моих стихов.

«Я много в жизни радостей изведаль...»

Я много в жизни радостей изведаль –
Неслись сквозь них далекие года...
Но выше радости, чем День Победы,
Не знало мое сердце никогда.

Вернулись к нам отцы и деды
С той праведной мучительной войны.
И мне теперь все горести и беды
Уже вовеки стали не страшны.

И слышу снова я в преддверье лета
Глухое эхо взрывов и стрельбы,
Когда заходит в отчий дом Победа,
Как горький отзвук и моей судьбы.

Русская тайна

«Не ходи войной в Россию, —
Говорил Европе Бисмарк. —
Ты утонешь в волнах риска,
Но Россию не осилишь...

Потому что есть в ней тайна —
Тайна быть непобедимой.
И в угрозах нетерпимых,
И в войне — всегда недавней».

Но советов этих ратных
Не слышала Европа...
И хранит Россия топот
Непутевых оккупантов.

Ну, а тайна русской силы
В том, когда беда нагрянет,
Даже детство рядом встанет,
Все мы в этот миг —
Россия.

Год милосердия

Завершился Год литературы.
Год кино сменил его давно.
Но не поубавилось халтуры
Ни в литературе, ни в кино.

Не явился миру новый Тютчев.
Не вернулся на экран Рублев.
Долгими рекламами замучив,
Каждый Год живет под гнетом слов.

Но само собой ничто не совершится.
Если Год литературы, дайте шанс,
Чтоб взошли на белые страницы
Нынешние Мцыри и Тарас.

А пока я в ожидании Года,
Где бы милосердие сошлось
С зовом душ и красотой Природы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.